

Алик Гасанов

Скотина такая

Рассказы о жизни, про жизнь и за жизнь сборник №5

Алик Гасанов

**Скотина такая. Рассказы о жизни,
про жизнь и за жизнь сборник №5**

«Издательские решения»

Гасанов А.

Скотина такая. Рассказы о жизни, про жизнь и за жизнь
сборник №5 / А. Гасанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839244-3

Перед вами очередной выпуск небольших рассказов о жизни и про жизнь.
Неплохое чтение, ни чему вас не обязывающее, короче говоря.

ISBN 978-5-44-839244-3

© Гасанов А.
© Издательские решения

Содержание

Кудесник Коля	6
Апашка	9
Верочка	11
Паша-рыбак	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Скотина такая
Рассказы о жизни, про жизнь
и за жизнь сборник №5

Алик Гасанов

© Алик Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4483-9244-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кудесник Коля

Жил да был в нашем селе один мужичок. Мужик, не мужик, а паренёк один. Лет тридцать ему было, или чуть за полтинник, не помню точно, но пацан уже отслуживший, короче говоря. И звали его Колей. То есть не звали его никто никуда, а имя у него было такое – Николай. Я слышал, что мужик он был хороший, и его то Коляном, то Мыколой пытались, а он всегда скромненько так, но твёрдо: «Нет, ребята, зовите меня просто – Николай.»

И было у Николая как в песне – ни кола, ни двора. В общаге он нашей комнату занимал, короче говоря. А общага наша была на самом краю посёлка, как пройдёшь овражком, и чуток повернёшь мимо дома бабы Тани, так сразу спускайся вдоль реки (там, кстати источник святой у нас!), и иди повдоль коровника, и почти возле самого кладбища – резкий поворот на шоссе-сённую дорогу. Видите? Вот так если прямо по прямой пойдёте, то через 1294 км вы будете уже в Тольятти, а чтобы к общаге подойти, то это вам надо совсем в другую сторону. Вон там, прямо на краю улицы белёный дом без крыши за заборчиком. Видите? Вот это она и есть.

А леса тут, мужики... Нигде таких лесов я не видал больше. Нет, всяк кулик, конечно, свои Хельсинки нахваливает, а таких лесов, как на Кубани-матушке нет ни где на свете. Вы когда-нибудь видели дуб высотой в полста метров? И тот дуб у комля вдесятером разве что обхватишь! А кора такая глубокая-корявая, что по ней, как по ступеням ходить можно. А вишню с яйцом вы видели? Сами вы «тополь»! Я вам про дуб, а вы мне... Тополя тут такие, что их самолёты облетают. Между веток. Клянусь! Вот вы возьмите сейчас яблоко средних размеров и ножик. Возьмите-возьмите! Осторожно яблоко разрежьте пополам. Теперь одну половинку положите жопкой кверху на ладонь. Положили? Вот хотите верьте, а хотите нет – а на Кубани у нас такие божьи коровки. Вы не смейтесь, вы вторую половинку кушайте на здоровье, а эту на руке взвесьте. Представляете? Божья коровенция таких габаритов. У нас и мотоциклистов нету по-этому. Не дай бог такая коровьяка в харю... На бреющем полёте. А червей дождевых вы у нас видели? Да-да, червей. Для рыбалки. Угу, посмотрел бы я на вас... Тут у нас черви, как... Вы ветчину кушаете? Колбаса такая. В магазине видели? Здоровенная такая колбасища, на ногу уронишь, хромать будешь, ей-богу. Такой колбасенцией если хорошенько размахнуться, можно от бандитов обиваться! А-то! Вот так вот двумя руками взяться, и по морде ветчиной с размаху. Попробуйте. Ну, так вот, врать я не буду – черви тут у нас чуть-чуть поменьше, конечно, но длинные-е-е... Сколько раз помню, на рыбалке начнёшь червя из баночки доставать, тянешь его, тянешь, тянешь его, тянешь... А он не кончается! Уже наматываешь его, падлу, наматываешь, а он всё тянется и тянется... А вы чё думали? Да тут черви, как сволочи огромные! Рыба из воды выскакивает от испуга! К реке подходишь – отовсюду рыбки рожи из воды выглядывают, боятся, что ты червей припёр опять! Были бы руки у рыбей, они бы ими крестились бы, ей-богу! У рыбков, я имею ввиду. Ну, у них, короче.

И вот, короче говоря, наш Николай очень любил нашу природу. Да и как не любить её? Красотища вокруг такая, что... Очень красиво, короче говоря. А Коля-то ишо и с прибабахом парень. Увидел на полянке – осинку ветер уронил. А осинка ровненькая, чистенькая, на пенёчек прикорнула, лежит себе, как качеля. И Коля приладил осинку к пеньку, обстрогал лишнее, глядишь, и народ приметил. Тут народу много ходит. Раньше обычно присядут на пенёк, отдохнут, да красоте порадуются, а теперь гляди, качелька, и приятно и красиво. Николай качельку с обеих сторон сидушками снабдил, да не простыми, резные мудрёные полешки сложил, и со спинкой, и с перилыцами. По всей осинке прошёл узором лихим, петухами серёдку расписал, а по бокам кренделей всяких нарезал собственноручно. Кто не выйдет на полянку, так и ахнет! Не качелька, а диво-дивное! Сколько раз видел – выползет из чащобы грибок какой, язык на плечо, паутина в волосах, весь во мху и комарах, а тут качелька стоит, словно в раю, и ахнет грибок, аж корзинку уронит, и сопля из носу тянется до земли – чудо-неви-

данно! И всяк к качельке подступает с опаской, озирается: это чья ж красота такая неопишная? И вдоль качельки пройдёт, и со всех сторон посмотрит-заглянет, и опять оглянется – да чьё ж это чудо такое среди лесу? И качается на качельке народ, и осторожно и бережно, и жалеет её, глаз с неё не сводит, не налюбуется. Да на такой качельке нешто матюкнуться, а даже небритым сидеть неловко было, ей-богу! Стали люди замечать – кто к качельке идёт перво-наперво и помоемся, и принарядится прилично. Вон девица-красавица катается, умница-прелестница, щёчки румяные. Корзинку с другой стороны поставила, ножками землю толкает, смеётся-заливается. А вот и старица присела потешить себя, да и зарделась вся, вдруг кто увидит, мол, села кататься старая дура, шо дитя малое. А Коля всё не успокоится, когда никого нет, то по бокам качельки лаком красную рябину гроздьями добавит, то на сидушках бубенцы приладит! И всяк кто увидит, ахнет ещё громче – ой, ещё краше качелька! С каждым днём краше! По всему селу только и разговоров, что про качельку в лесу:

... – А вчерась иду, гляжу – а на качельке-то узор резной, да всё цветами, да ягодками расписано!

– Так то вчера! А сейчас смотри – на торцах ишо и розами алыми, да с золотой прожилкой!

– Бреешь!

– Та шоб я здох!

И бегут к качельке всем гуртом, и ахают хором! Ах, красота-то какая! Ах, мать его так!..

И к Николаю нашему вопрошает один:

– Всем ты хорош, —говорит, – Николай! И мастер ты на все руки, прям кудесник народный! А в одном ты, Коля, не учёл – сколько тебе эта качелька прибыли приносит?

А Коля-дурак и не поймёт, о чем вы, товарищ?

– Всё должно прибыль приносить, – говорит ему, – Да такая качелька в одной Москве небось сто тыщ стоила бы!

– Та ты чё?, – ахнул Коля и умер.

– Ей-богу! Сам посуди – в день на ей человек сорок катается, а тебе с того чего?

– Чего?

– А того. Качается себе качелька без толку без проку. Хоть копеечку приносила бы в час, и то тебе на курево. Или ты богатый?

– Кто?

– Конь в манто!

И охмурил-таки Колю, ухарь нечистый!

– Вот смотри, это бизнес-план. В «земельном» у меня связи, выкупим полянку, поставим заборчик резной. Заборчик-то ты сумеешь?

– Да я!.., – у Коли глаза разгорелись. Сколько работы впереди!, – Да я такую красоту наведу, что никто и не видел раньше!

... – Вот тут надо будет урны поставить..., – бормочет делово над бумагами, – А тут надо ещё парочку... Тут можно «мороженное» поставить, а тут парковку придётся... Стоимость надо будет повысить, но только после презентации... У тебя сайт есть?

И Колю как током. Сайт! Мужик под сорок уже, а у него сайта нет до сих пор!

... – Разместим в блоге фотки, твой телефон сотовый выставим... Надо в рекламном слоган заказать... «Кто не пил пивка у Коли – счастья тот не знал доколе!»... Пойдёт?.. Насчёт логотипа надо тоже подумать... «Коля... качелька.. Коля...»... Так не пойдёт. Не в тренде... У тебя фамилия какая?

– Чё?, – задыхается Коля.

– Кий в плечо. Фамилия у тебя какая? «Иванов» вроде?

– Да. Иванюшев.

– Не. «Иванюшев» тем более не пойдёт. Надо по респекту. Чё-нибудь в теме... Ну... Ладно, я сам этим займусь...

И целый час ещё обсуждали, и Коля своим ушам не верил, и совсем задохнулся почти. И теперь решено уже, что у Коли есть коммерческий директор, и Коля у нас не Коля совсем, а Айвон-Ник, потомственный мастер, обучившийся у старинных гениев итальянского зодчества, о чём прописано в сертификате и на личном сайте «Аттракцион-глобал-компани-корпорейшн-ин-лимитед». И мгновенно уже даже готов проект видеоролика рекламы:

«... Из темноты на экран капают яркие мультяшные буквы, смешно расползаясь, словно козявки, и выстраиваясь в надпись «Аттракцион...», и вот камера крутится вокруг Колиной расписной качельки, ускоряясь, а рядом с качелькой на травке дети танцуют хип-хоп: «Надоело быть маленькими-ми-ми-ми-ми! Надоело быть маленькими-ми-ми-ми-ми!...» И в центре качельки, оседлав её, словно брыкающегося мустанга, шлёпая в такт музыки себя по заднему карману джинсов, губастый парень в очках и с нелепой причёской ловко спрыгивает в крупный план: «Безумное количество невероятных аттракционов от Ника-Айвона! Развивающие игры для малышей и взрослых!.. Акции и суперскидки на коллективные заявки, прохладительные напитки и многое другое! Ваш ребёнок будет безумно счастлив!» И парень вытаращивает глаза навывкат, и камера спускается вниз, а внизу оказывается парня уже дёргает за штанину белокурый ангелочек трёх лет с накрашенными губами: «А мозына я исё покатаюсь?» И парень умиляется: «Конечно же можно!», и малыш весело бежит к смеющейся толпе детишек, уплетающей чипсы перед стартом, мечтательно вздыхая на ходу: «Вот бы каздый день так!»...

... – И это только начало, Ник!.. Я заказал оборудование, нам нужно увеличить темпы. Уже дали добро на открытие филиала в Фёдоровке и в Дальних Песках. Только там просят чтобы ты сказал в рекламном ролике: «Спасибо за поддержку главе местного управления господину Кондрашкину Юрию!»... Слово в слово!.. Хорошо?

– Хорошо.

И Коля наш совсем перестал уже ходить к нашей качельке. Той самой, первой. Коля был занят. Качелек понадобилось много, их модернизировали, и долго совершенствовали неоновые надписи. А потом у них были неприятности. Кто-то кого-то «кинул», а Кондрашкина ихнего посадили за воровство, и с рекламщиками были разборки. Но «Аттракцион» выпутался, и снова заработал на полную мощь, разнообразив качельки вертелками, тарзанками и тошнилками, и вообще расширил ассортимент, открыв филиал «Диснейленда» где-то под Самарой, выкупив право на использование брендов «Чудо-йоргут» и «Йога-чудо». А наша качелька очень быстро обветшала, потрескалась и лопнула вдоль. И в конце концов, говорили, что какие-то придурки жарили рядом с ней шашлык и разобрали качельку на дрова...

Апашка

Воровать, думаете, легко? Вот вы сейчас возьмите и подумайте. Легко ли это?.. Давайте поиграем. Вы думаете наверное – это всё – так себе... раз-плюнуть?.. Высмотрел, мол, что похуже лежит, выждал момент, сцапал, и – ходу?.. Нет, вы не смейтесь, а представьте себе на минутку, как бы вы лично спланировали-то?.. Вот вы представьте только, как бы это происходило с вами. Нет-нет, ни так совсем. Вы представьте, что у вас нет ни кола-ни двора, как говорится, и даже документов никаких нет, и воруете вы для того, чтобы выжить, и спали вы сегодня на вокзале, как и месяц уже, и замёрзли, как собака, от тревожного, всё слышащего сна. И жрать вам охота так, что уже и не смешно... Представили?.. Нет, вы представьте, что есть охота так, что совсем не хочется поесть чего-нибудь вкусного, мороженого, например, а просто в голове вашей стучит истеричная потребность впихать в себя всё что угодно, лишь бы кишки начали работать и башка не кружилась. Представили?.. И вы машинально зыркаете по сторонам, совершенно не видя людей, а по-волчьи хмуро смотрите на всё, что можно разжевать и проглотить. Желательно горячее и жирное... И приходит такой момент, когда вы мысленно понимаете, что вам это нужно схватить и убежать. И надо ещё успеть разжевать и впихнуть в себя, перед тем, как снова убежать и затаиться... Где-нибудь в тепле, и что-бы тебя никто не видел... И уснуть, разомлев. Уснуть ни потому, что ты ослаб так, что сон – это единственное, на что способно сейчас твоё измученное тело, а нахально захрапеть, потому, что ты бессовестно сыт, нахально пьян и тебе наплевать, что одежда твоя грязна, тело не мыто, а скользкий кусок хлеба в кармане заплесневел... И на всё остальное тоже наплевать...

...Я сразу таких вижу. Не знаю почему, но я их чую нутром. Одного взгляда достаточно, и я вижу – вот он. Волчара.

На вокзале почти стихло. Время пол-десятого. Через двадцать минут «последний-проходящий». Паренёк лет двадцати притих с краю длинной лавочки. В сумраке уходящего вечера забрезжила вокзальная ночь. Высокие окна залились смолой и сквозь неё тёртыми пятками пронзительно горят фонари, уходящие в степь. В нескольких метрах напротив меня женщина-казашка замерла в ожидании. Уже час она посматривает ежеминутно на часы, оправляет сумки, тревожно поглаживает карманы юбок: «Ни чего не забыла?..» Рядом с ней, прикорнувшись на баул, полусидя спит мальчик лет пяти. Ждут поезда. В полумраке пустого вокзала проходят редкие прохожие. Каждые десять минут мимо станции проходят составы и мерный гул поезда толкает в окно порывистый сквозняк. Парень замер. Он дремлет, подперев ладонью лицо, и я чётко вижу из-под мрака его козырька блеск внимательных глаз. У апашки* три сумки, большой баул и пакет с продуктами. Пакет стоит у ног ребёнка. Одну из сумок женщина держит особо, из рук не выпускает, иного задремав на минуту, спохватывается, прижимает обеими руками к животу, поглаживает закрытые замочки... Парень ждёт, лениво потягиваясь во сне, украдкой осматриваясь по сторонам. Я мешаю ему. Можно не спеша встать и, рассеяно проходя мимо, резко вырвать сумку, рвануть в выход на перрон, а там за угол и сквозь кусты по заветной лазейке вдоль путей скрыться в темноте... Пока апашка будет кудахтать «ой-баяй!..», за пару минут запросто затеряться в темноте вокзальных построек, затаиться в потоке редких прохожих... Но я ему мешаю. И паренёк выжидает. Можно подождать, когда я опять выйду на перрон покурить и, под гул очередного «проходящего» рвануть сразу две сумки, но бежать уже через весь вокзал, ко второму выходу, но там на перроне фонари и могут быть люди... А если повезёт – будет пусто и можно спокойно шмыгнуть за тёмный угол, а там, мимо туалета вдоль тротуара и в темноту между забором и зарослями карагача...

Невольно ловлю себя на мысли, что я вместе с пареньком обдумываю его «рывок», оттачивая варианты...

...Мальчик зашевелился, сел и скорчил рожицу. Шея затекла. Плаксиво посмотрел на бабушку, та тихо улыбнулась, по головке гладит:

– Калай сен, жаным?..*

Заёрзала, прижала к себе внука, звонко чмокнула в шапку. Мальчик смачно зевает, потягиваясь от холода, недовольно озирается по сторонам. Бабушка его тормозит легонько, успокаивает, приговаривая потихоньку:

– Ещё десять минут и поедем.

Мальчик одёргивает плечо, измученный бабушкиной лаской: «У-у..»

– Щай щем сыз?..*, – бабушка делово роется в пакете, достаёт маленькое полотенце, кастрюльку и банку с чаем. Всегда удивлялся такому истинно женскому таланту – в две секунды сотворить уют. Пару взмахов и вот уже на лавочке настоящий дастархан.* В кесешках* дымится чай, на салфетке пару кусков варёного мяса, хлеб порван на три куса. Самый удобный случай. Парень замер на секунду, и, фальшиво потянувшись, беззвучно зевая, быстро огляделся. Вокруг никого, а я – «дремлю». Апашка выпустила сумку из рук, у обоих в руках горячий чай. Из дали слышен гул приближающегося поезда. Парень «проснулся», потянувшись, встал и пошёл вдоль лавочки. Я машинально подтянул под себя ноги, готовясь к броску.

Бабушка, полностью поглощённая ужином внука, в одной руке держит полотенчик, чтобы вовремя утереть мальчику рот, в другой банку с чаем, глаз не сводит с внука. Парень подошёл в самую точку рывка* и... остановился.

– М-мя...*, – женщина протягивает парню кусок хлеба с мясом внутри.

Тот замер на секунду, опешив. А бабка улыбается мягко, будто извиняясь, просит:

– Покушай, сынок. Я вижу, ты не кушал...

И хлеб в руке протягивает. Смотрит, еле улыбаясь...

Парень бледнеет. Взял хлеб и, спотыкаясь, уходит, испуганно и сбивчиво благодаря женщину на ходу, и она провожает его долгим взглядом, слабо улыбаясь и опять поворачивается к внуку.

...Такие дела... Так что вы и не думайте, что воровать легко.

*апашка** – (каз. яз.) – мамочка. (апа – мама), уважительное обращение к старшей женщине.

*калай сен, жаным?** – как ты, дорогой?

*щай щем сыз?** – чай будешь ты?

*дастархан** – стол.

*кесешка** – пиалушка (каз. яз. уменьш. ласкат.). (кесе – пиала, чашка для чая, супа)

*мя** – аналог русского «на!» (бери!)

*рывок** – уличный грабёж, обычно вырывание сумки, шапки.

Верочка

...Да, некрасивый Сергей Игоревич.

Большой, толстый, лысый. За столом чавкает, рот лоснится от жира. Говорит всегда одновременно жуя и хохоча, брызгая слюной. Тфу!.. Его секретарша, тридцатилетняя Вера, терпеть не может «босса». И всякий раз подмечает всё новые и новые некрасивости. Да и какой он Сергей Игоревич? Он её года на два старше всего, наверное. На ворованные деньги сколотил фирму по продаже стройматериалов и стал большим начальником. А сам в носу ковыряет. Фу! Смотреть противно. Как глянешь на него, так и воротит! Разве это мужик? Жирная свинья. Причём наглая и невоспитанная. «Корпоратив» опять собрал после работы!.. Весь коллектив пригласил, что бы опять сидеть во главе стола, расставив жирные ляжки и, чавкая креветками, про Турцию рассказывать. За столом собрались все двенадцать человек. Даже охранника Лёшу притащили. И Сергей Игоревич «поляну накрыл» для работников, тут и мясо и шампанское и два вида вина для женщин... А сам хозяин торжества сидит выше всех, жрёт, аж за ушами трещит, и других подгоняет. И никто не посмеет отказаться. Если решил он расщедриться – попробуй только откажись, посмей только не есть! Посмотрит так, будто на вора какого... Ох, и ненавидит же его Вера. Домой надо бежать, с Ленкой уроки учить, а этому борову одному скучно, денег куры не клюют, вот и собрал слушателей:

– А в Турции шашлык говно..., – начальник неторопливо вымывает языком десну, собирая ошмётки креветок и сглатывает, запивая «Варштайнером», – Заказал в горшочке, думал... – Ту-урция!.. Цык... Говно. Ничем от нашего не отличается.

Все молча жуют, не понимая, шутка это или что?.. На всех взял десять литров «Жигулёвского», а перед собой «Варштайнер» поставил, три бутылки, говорит медленно, громко, с расстановкой:

– И, между прочим, в Праге тоже ни чё интересного... И «баранина на косточке» там говно, и утка по-пекински... Тоже...

Боже, какой противный, мерзкий человек!.. Срыгивает, деликатно прикрываясь салфеткой:

– Звоняюсь...

И опять чушь какую-то мелет.

Из ресторана напротив для понтов пригласили двух официантов, и Сергей Игоревич строго бдит, что бы они «отработали» на совесть:

– Я тебе за какой хер плачу?, – ловит он одного из них на мизинец за фартук, когда тот бесшумно пробегает мимо, – Ты чё, лоха во мне увидел?

Ничего непонимающий худющий парень с тяжёлым подносом в руках вопросительно улыбается и ждёт, когда Сергей Игоревич выдержит длинную паузу и продолжит с упрёком:

– Мусси долго ждать?

Нахватался названий всяких по заграницам, аж слушать противно. Верочка всякий раз еле сдерживает презрение от его «тирамису и мусси». Всех лакомств названия знает, свинья жирная. Официант, небось, тоже еле сдерживается. Бегом притащил полный поднос тарелочек с какой-то сладкой пастой, торопливо суетится, обмирая от мысли: «Только бы не уронить чего...»

– А в Вене, между прочим, Ирочка, мусси вообще говно!, – Сергей Игоревич горько поджимает мокрые губы, обращаясь к своему заму Ирине Ивановне, и отправляет крохотную ложечку себе в рот, хмурит брови, придирчиво пробуя мусси на вкус...

Все участливо качают головами, соболезнуя вздохом «да вы что?», некоторые даже переглаживаются, мол «вы слышали? В Вене-то...»

– М-да... М-да..., – Сергей Игоревич откидывается назад, оглядывает стол, секунду соображает и наливает ещё «Варштайнера», – а вот рахат-лукум в Праге мне понравился... Да... Рахат-лукум у них в Праге ни чё... Можно есть...

Все облегчённо вздыхают, искренне радуясь «ну, слава богу, хоть в Праге-то...»

– М-да... М-да..., – Сергей Игоревич опять невольно срыгивает в ладонь, – звывняюсь...

...Верочка старается не смотреть. Она радуется, что вокруг много народу, что ей не нужно держать ухо востро и ждать распоряжений, и она быстренько дожёвывает отбивную с лавашом, запивая вином. «По дороге надо будет молока взять, – думает она, – Этот боров уже нажрался и потерял интерес, так что скоро уже разойдёмся...»

– М-да..., – Сергей Игоревич кряхтит, допивает пиво и оглядывает коллектив.

На него иногда нападает барская блажь и он, как и сейчас, по-отцовски весело бросает щедрый и любящий взгляд, – Ну, как? Все Покушали?.. Никто голодным не остался?..

За столом несвязно шумят, мол, спасибо, Сергей Игоревич, все! А тот, как Дед Мороз на ёлке, мол, «не слышу!..»:

– Точно все?.. У?.. Не скажете потом, мол, Игорич, пива зажал?.. Всем шашлыка хватило?..

Все благодарят громче, и кто-то даже потешно хлопает себя по пузу, мол, ох, и обожрался же я, Игорич!..

– Ну, ладно... Поверю.. Поверю..., – начальник довольно крякает и грузно встаёт и все начинают шуметь стульями, и «корпоратив» закончился.

...Верочка знает, что сейчас перепуганные официанты соберут большие пакеты с остатками, чего не тронуто из еды (а на столе еды ещё на два таких «корпоратива»!) и всё будет отнесено в хозяйский «Лексус», и Вера старается незаметно смешаться с толпой и удрать побыстрее, пока начальник не придумал ещё какое-нибудь поручение для неё.

Быстренько одеваясь внизу в одиночестве, она зло вздыхает, в который раз возмущаясь и рассказывая самой себе, что целых двадцать человек (и она в том числе!) ежедневно работают, пашут, как лошади, так сказать, что бы эта жирная свинья грела своё безобразное тело в турциях и жрала мусси в прагах!.. «А у самого почерк, как у первоклашки, и „приказ“ он пишет через „е“!...» А они с мужем – оба с высшими образованиями – не могут ни то, что машину купить, а Турцию хоть раз в жизни себе позволить.

А потом она с молоком в сумочке двадцать минут мёрзнет на остановке, и рядом при тормаживает «Лексус», и Сергей Игоревич, с дымной сигарой во рту, щедро приглашает:

– Подвезти вас, Верочка?

И Вера вдруг неожиданно для самой себя мерзко и кокетливо смеётся:

– Нет-нет, Сергей Игоревич!.. Спасибо вам!.. Сейчас муж подъедет! Спасибо, Сергей Игоревич!.. Спасибо вам!..

Паша-рыбак

... – Обделался с лёгким испугом, – не раз потом вспоминал тот случай местный шутник Василич, – так это и называется, по-моему...

...Паша Ковалёв был знатный рыбак. Нет, он был не из тех гавриков с закидушкой*, типа меня. Паша мужик солидный. Спиннингов у Паши пять штук, один лучше другого, с японскими катушками, и костюм водолазный у Паши, и ружей подводных несколько, и пневматика, и с резинкой. Паша если идёт на рыбалку, то едет за город на неделю, с палаткой и мангалом, рыбу привозит – пальчики оближешь. Бывало и осетра припрёт в полтора метра, и кефаль у Паши отборная – не меньше полторашки*, мельче не берёт. И раков Паша припрёт, шо семечек – пять мешков. Мы с пацанами этих раков потом до поносу... Соседи на Пашу не налюбуются. Паша с рыбалки приехал, весь подъезд рыбой обожрётся. Щедрый мужик, и весёлый.

А трудился Паша по вахтам. На Тенгизе* шоферил, денег кучу заколачивал. Завидный жених. Тридцать лет хлопцу, здоровенный, крепкий мужик. И во дворе Пашу уважали. Много не базарит, всё по делу разве. Если Паша сказал, значит не просто сказал, а рот попридержи лучше, и не вякай. Паша бутылку водки выпивает для разогреву только. Кулаки, как чайники. Мухи Паша не обидит, да оно и не к чему. Паша посмотрит только по-доброму, а уже все и примолкнут. Ещё-бы! Вот так вот по доброму на вас кто-нибудь смотрел? Который выше вас на две головы. И тяжелее кило на пийсят. Смотрел? Паше и ругаться не надо. Ухмыльнётся только, и всё. Тыр-пыр, восемь дыр.

...А потом Паша пропал на несколько месяцев, и привезли его ближе к осени. На носилках. Паша где-то в степи, на буровой установке, помогал кому-то из шоферов ковыряться под трактором. Грязюка жирная в полметра, дождик, а Паша с другом трактор заглохший чинят, лежат под ним, и трактор какого-то чёрта поехал, и переехал гусеницей Пашу поперёк, вдавливая Пашу в грязь, и раздробил Паше кости таза в щепку... Только грязь и спасла-то.

...Привезли Пашу из госпиталя. Весь в гипсе Паша, словно кокон залеплен, из гипса трубочки торчат. И ходит к Паше медсестра, уколы делает, и пролежни растирает камфоркой. Огромный Паша лежит который месяц уже на диване своём, телевизор смотрит. Дверь у него в квартире не закрывается круглые сутки. Соседи навешиваются. Кто супу припрёт кастрюльку, кто из мужиков бутылочку. И очень скоро стали к Паше ходить всяко-разно... Отребье какое-то. Паше пенсию назначили по инвалидности хорошую, а живёт один. Деньги есть, а главное – Пашу медсестра колет морфием. Боли у Паши невероятные, говорили. И Паша наш теперь законный морфинист. Кто-то натрепал, как видел, что Паша регулярно «шмыгает» себе в вену укольчик, а потом успокаивается, и даже весёлый становится, и потянулся к Паше наркоманский люд. Люди они приветливые, и кушать приготовят, и подушку поправят, если надо, и за «кое-чем» сбегают, а потом посидят коллективом по-тихому, Гребенщикова послушают негромко. Притон у Паши образовался, короче. А наркоши бывают разные. Есть порядочные скромные люди. Ширяется вон гляди себе по-тихоньку, и живёт спокойно. А есть дурачье. То по-передозу* набуровит, обрыгается где-нибудь в подъезде, и валяется, пока менты не заберут. То, опять же, и сам в историю вляпается, и других за собой потащит, в ментовке всех дружков с потрохами сдаст. Самый паскудный народ наркоманский. Все как один мразь на мрази.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.